

НАБОЛЕВШЕЕ

Какие на дворе дни?

(Ответ Станиславу Говорухину)

В газете «Известия», на той странице, где публикуются материалы, с которыми редакция не солидаризируется, Станислав Говорухин выступил со статьей под названием «Окаянные дни». Заголовок этот известный кинематографист позаимствовал у писателя Ивана Бунина, классика русской литературы XX века. В наступившем 1918 году начал он с горя писать, живя в Москве, на Поварской улице, дневник с таких слов:

«1 января (старого стиля). Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто более ужасное. Даже, наверное, так».

Предчувствие писателя не подвело, хотя еще выходили оппозиционные правительству большевиков и левых эсеров газеты и журналы, происходили митинги, собрания, где можно было ругать власть Советов. Бунин записывал все, что видел и слышал, и с каждым днем крепло его желание: «Вон из Москвы!»

У Бунина по инерции публиковались стихи, он вычитывал корректуру своей знаменитой «Деревни», посещал Большой театр, заседания литературного кружка, но земля уходила из-под его ног. Улицы Москвы утопали в грязи, темноте; распоясались воруны. Разбили стекло в его окне, украли сушившийся между форточками табак. Из домов на Поварской выгоняли прежних хозяев, в прекрасные особняки завозили канцелярскую мебель новых советских контор, правительственных учреждений «рабоче-крестьянской» столицы.

«15 марта. Все та же морозная погода. А нигде не топят, холод на квартирах ужасный».

В конце марта Бунина на Арбатской площади чуть не убили солдат за то, что писатель «позволил себе некоторую «свободу слова», послав к черту газету «Социал-демократ», которую ему навязывал продавец газет.

«Отбирали книги на продажу, собираю деньги, уезжать необходимо, не могу переносить этой жизни, — физически».

И уехал, бросив квартиру, бросив Москву, которую не просто любил, обожал, живя в пречистенских и арбатских переулках, оставив умирать от холода и голода любимого брата.

Вот этот-то дневник, начатый в Москве, продолженный в Одессе, вслед за другими российскими городами пришедшей с некоторым опозданием к все той же «мерзости запустения», как сказано в Библии, вышел в свет, когда Бунин навсегда эмигрировал из России. Вышел под названием «Окаянные дни».

Ни в первом томе «Краткой литературной энциклопедии», ни в «Литературном энциклопедическом словаре», появившемся четверть века спустя, в 1987 году, «Окаянные дни» даже не упоминались среди сочинений писателя.

Ясное дело, и не печатали. Ведь Бунин в дневниках доказывал, что власть большевиков — гибель для России. И на этом стоял до конца жизни.

Почему я так подробно останавливаюсь на «Окаянных днях» Бунина, уйдя так далеко от «Окаянных дней» Станислава Говорухина? Ведь это пока что статья в газете, а не развернутое документальное киноисследование, присущее этому деятелю искусства... Нет, я не хочу воздействовать на то, что, может быть, появится в недалеком будущем. Спешу опровергнуть только то, что напечатано сегодня.

Станислав Говорухин с утра памятного всем 4 октября этой золотой осени стоял на Калининском, кажется, еще не переименованном мосту у Белого дома и СЭВа — мэрии и наблюдал бой, «как расстреливали парламент». Стоя на этом опасном месте, где могла сразить шальная пуля или же целенаправленная, посланная с крыши безымянным снайпером, защитником парламента, режиссер разговорился с двумя ветеранами, бравшими в молодости Кенигсберг, а значит, пережившими один из самых ожесточенных боев минувшей войны.

«Один из стариков сказал: Расстреляли Россию. Можно идти домой».

Вспомните, окаянные дни в России начались с того дня, когда разогнали парламент, — в январе 1918 года.

И опять тяжелая ночь опустилась над страной.

В России начались окаянные дни».

В своих интересных киноопеях Говорухин нередко ошибается в оценках. Не избежал он этого недостатка и на сей раз, что объясняется его слабим, по всей вероятности, знанием истории России вообще, истории революции — в частности. Да, конечно, разгон Учредительного собрания большевиками, крылатые слова матроса Железнякова насчет того, что караул устал, — это памятная вежа времен Февральско-Октябрьской революции. Но не точка отсчета времени, поскольку этот самый разгон был предопределен всем ходом событий, наступивших после захвата Зимнего, взятия власти Советами, где верховодили на тот момент большевики и левые эсеры. До разгона запретила партии кадетов, октябристов, принимавших участие в Февральской революции, закрыли большинство оппозиционных газет и журналов.

А главное, до разгона Учредительного собрания, буквально на следующий день после залпа «Авроры», началась на-

ционализация, «переход средств производства из частной собственности в государственную». Начали, как известно, с земли, экономий, питомников, конских заводов, затем захватили госбанк, в декабре у всех частных банков уже стояли караулы матросов, в том же декабре прекратили выплату дивидендов по акциям и паям частных предприятий. К тому моменту, когда Иван Бунин спешил с Поварской на вокзал, в санитарный поезд, чтобы бежать из столицы совдепии, было уже «национализировано 836 промышленных предприятий». Цитирую по «Советской исторической энциклопедии».

Вот с этой-то национализацией и началась гибель России. Началась разруха. «Красный террор». Голод. Холод. Эпидемии. Началась гражданская война. Апокалипсис. Пережить запрет партий и газет народ мог. Пережить национализацию экономика не могла. Потому пошел брат на брата, поэтому последний и решительный бой, как о том поется в «Интернационале», произошел не у ворот Зимнего дворца и Кремля, а на полях гражданской войны, у берегов Черного моря, откуда бежали последние защитники частной собственности. И писатель Бунин.

Неужели и вы, Станислав Сергеевич, стоя на Калининском мосту утром 4 октября, решив, что наступили окаянные, проклятые дни, не сможете жить в России? Неужто вам так плохо живется в Москве, что свет померк в ваших глазах до такой степени, что в дни истинного бабьего лета, в ясные солнечные, редкие для Москвы денечки, виделась вам «тяжелая ночь», опять опустившаяся над страной?

Неужели вам кажется, что вы не сможете делать свои длинные картины, их будут запрещать, подвергать преследованиям такого художника и документалиста, как вы?

Конечно, жить миллионам трудящихся тяжело, инфляция не прекращается, спад производства продолжается, мусор на улицах столицы не убирается, бродяги и алкаши по-прежнему маячат на всех углах и переходах. Но ведь этот процесс начался не в тот момент, когда заговорили пушки гвардейских дивизий, продемонстрировавших свое умение не только дефилировать парадным строем перед мавзолеем по Красной площади в день очередной годовщины Великой Октябрьской революции. Препятствием разрушения великого государства пошел с 1985 года, когда руль державы попал в руки «неумелых управителей», как называл таких людей молодой Михаил Шолохов, ставший в старости ярким приверженцем режима советской власти.

Почему же сегодня вы хлопаете дверью, почему только сегодня «принимаете превентивные меры»? Как трактуется это понятие «Словарь иностранных слов»: «превентивный — предупреждающий, опережающий действия противной стороны». Хотел бы я знать, какие действия противной стороны вы опережаете? И в чем вы нас предупреждаете?

Один объявленный в вашей статье шаг ясен и не вызывает у меня никакого протеста. Вы решили выйти из Союза кинематографистов, поскольку, как вы пишете, этот союз «изолировался, безропотно сносил любые издевательства над правами граждан, вялел хвостом, перед Властью, промолчал, даже рукоплескал, когда людям плюнули в лицо, когда расчерком пера были уничтожены конституционные институты и объявлены выборы в Думу. «Почему не в султанат или в халифат?» — спросил мой приятель, профессор философии».

Да, странный у вас приятель, профессор философии, не владеющий азами логики, ставящий в один ряд Думу и халифат с султанатом.

Его острота имела бы какой-то смысл, если бы в таком ряду соседствовали Дума с курултайем, меджлисом или даже кнесетом. Сняли вы с себя не только членство в Союзе кинематографистов, но и все общественные обязанности, «дабы не подводить дорогих мне людей и не дать повода порадоваться всякой шушере и «шестеркам».

И вот, сделав два таких решительных шага, сочли себя «свободными», решились «высказать свое мнение по поводу происходящего». Но разве все эти последние годы не могли свободно писать, творить? Разве не в эти самые годы поставили свои сенсационные документальные картины, сделавшие вас известными, разве не в эти годы смогли ездить по земному шару, побывать у Солженицына?

«Весь год я занимался журналистским расследованием преступлений Власти. Могу свидетельствовать с фактами в руках: преступления совершены чудовищные».

Исходя из опыта любого тоталитарного режима, можно догадаться — такого свидетеля постарайтесь либо убрать, либо опорочить. Последнее — вернее всего.

Представляю, как накинется верноподданническая пресса. В условиях отсутствия гласности ответить я им не могу».

Почему ненавижистую ему власть Говорухин обозначает с прописной буквой? Но это мелочь. Противоречие главное в другом. Как бы мог наш раследователь преступлений заниматься своим разоблачительным ремеслом, если бы жил в тоталитарном обществе? Разве

мог бы он десять лет назад снимать что-нибудь еще, кроме «Приключения Тома Сойера» или, в лучшем случае, «Места встречи изменить нельзя» по сценарию братьев Вайнеров? Где бы вы были тогда, Станислав Сергеевич, начав копать «преступления Власти»? Думаю, что по бунинским местам вам не пришлось бы походить. Отправили бы в другую сторонку.

Кто спорит, воруют по-крупному, берут взятки, «подарки», как нашим рашидовым, покойным, и чурбановым, здравствующим, не снисло. Счета в иностранных банках заводят, жен за бриллиантами за границу снаряжают, сами катаются в теплые и комфортные края за казенный счет, много чего делают, многое нарушают, преступают. Но ведь эта презренная вами Власть развенчивает, дает разоблачать проворовавшихся, штрафованных членов своей команды. Это же факт. Убрал же президент верного ему Бараникова, министра госбезопасности, снял с должности. Убрал ведь верного Дунаева, второго человека в МВД, за такие же злоупотребления, нашл в их лице злейших врагов, поспешивших отомстить ему, войдя под своды Белого дома, чтобы стать там «министрами» госбезопасности и внутренних дел, звать к себе бывших подчиненных, соратников, товарищей и друзей...

Никто на вас не посягнет, Говорухин, я уверен. Никто не опорочит. И выступаю я против ваших «Окаянных дней» не потому, что верноподданный журналист, не потому, что спешу погреться в лучах вашей славы. А потому, что каждое ваше слово, почти каждое, — есть ложь. Пока что «верноподданническая пресса» напечатала ваш крик души.

Но крик этот зовет людей не к миру, а к борьбе, к тому, что происходило последние месяцы на улицах Москвы, где началась литься кровь. Стоя на том самом же мосту, где находились вы, один мой знакомый оператор снял видеокамерой бой у Белого дома. Больше всего меня поразил эпизод, где на экране возникло на несколько секунд плачущее лицо пожилой женщины, отлюбившей, вырвавшейся из объятий ее капали слезы, а слова ее жгли сердце еще сильнее слез: «Опять стреляют, опять началась война!»

Нет, то была не война. Большим огнем подавили в зародыше малый, рассудив, что пусть горит один даже такой большой и белый дом, чем начнет гореть вся страна.

Все видели (спасибо операторам телевидения, отчаянным, мужественным людям, кого нужно награждать, как военных), кто начал стрелять, кто начал убивать милиционеров, кто поднял гранатомет, чтобы выстрелить в телецентр, все знают, кто позвал толпу на разгром, захват мэрии, гостиницы «Мир», на Останкино. Говорухин считает, что жертвы боев — на совести авторов указа о роспуске парламента. Говорухин убежден, что именно этот, как он называет, парламент, а точнее Верховный Совет и съезд народных депутатов, стояли на защите прав народа от коррумпированных структур. Так и пишет: «На пути к легитимному уголовному государству стоял парламент». Говорухин оплакивает этот парламент и убежден, что теперь, когда его не стало, опустилась над страной тяжелая туча, в России начались окаянные дни!

Сам Станислав Сергеевич стоял в толпе, как выражается, зевая, и наблюдал. В Белый дом не явился, черты роковой не преступил, иначе не стал бы я с ним полемизировать.

Черту эту преступили, как известно, другие: Руцкой, Хасбулатов, Бараников, Ачалов, Константинов, Баркашов... Да, чуть не забыл: примкнул к ним товарищ Полозков, тот самый, кто был руководителем наскоро сколоченной Российской компартии, одной из главных виновниц развала Союза ССР и разброда в России.

Так вот, наш знаменитый режиссер стоял на мосту, видел все, как на ладони, а душой был вместе с товарищем Полозковым! Ну не удивительно ли? Боролся с коммунистической системой, коммунистической партией, «всеми силами помогал установлению демократии в нашей стране, однако, в эти тяжелые дни всем сердцем сочувствовал парламенту».

Значит, я не преувеличиваю насчет душевной боли Станислава Сергеевича, раз он всем сердцем был на той стороне, откуда раздался крик: «Вперед, на Останкино!» Как же выходит из этого противоречия бывший боец с коммунистами, оказавшийся по зову сердца снова в одном с ними духовном ряду?

«Если не считать безумных анпиловцев, истинные коммунисты остались только в Кремле. Анпиловцы же оказывали только услуги Власти. Когда люди видели эти перекошенные от злости лица под красными флагами, когда слышали эти крики «Назад, в прошлое!», они говорили: «Тфу, тфу! Лучше кто угодно, хоть воры, но только не эти!» Я много писал и говорил об этом. Не помогло. Последнюю услугу властям анпиловцы и иже с ними оказали 3 октября».

Обижаете вы товарища Анпилова, господин Говорухин. Не звал он народ, как вы пишете, «Назад, в прошлое», какой он же коммунист после этого? Я сам своими ушами слышал его на второй день после объявления указа о роспуске парламента.

Звал он всех собраться и пройти по Москве «маршем извещения», смести на своем пути ту самую власть, которую вы пишете с большой буквы, полагая, что товарищ Анпилов был у нее в услужении.

Может быть, эта власть разыскивала теперь Анпилова для того, чтобы вручить ему орден «За личное мужество»? Мне так кажется, на этот раз, присовокупят к его октябрьским эпизодам в районе Белого дома еще и майский эпизод на Ленинском проспекте и кое-что другое, мною уже позабытое, слишком много начудил этот ошалевший от безнаказанности экстремист.

Если, судя по вашим словам, истинные коммунисты остались в Кремле, то кто же тогда товарищ Полозков и товарищ Зюганов, стоявший во главе довольно крупной по нынешним масштабам партии новокоммунистов? Может быть, они тоже демократы, как вы?

А не заметили ли вы у стен Белого дома ребят в черных гимнастерках с фашистским знаком, свастикой белой на красном фоне, во главе которых значится некто Баркашов, исключенный законопослушными членами общества «Память» из своих рядов за экстремизм?

А комсомольцев, успевших накачать мускулы, овладеть разными приемами ближнего боя, умением стрелять из автомата, неужели, не видели?

Наконец, не попались ли вам на глаза brave мужины в комуфляже из «Союза офицеров» во главе с преподавателем бывшей военной — политической академии имени В. И. Ленина, ныне гуманитарной? Они не прятались ни от кого, даже автоматы демонстрировали всем, кто приходил полюбоваться на защитников Белого дома, пока еще не оцепили его колючей проволокой и не отключили свет... Вы, думаете, что эти офицеры-тереховцы — демократы? Не они ли «демократическим» путем, стреляя из автоматов, напали на часовых у входа в штаб на Ленинградском проспекте?

А снайперы, стрелявшие с крыш, кто они? Кто перебил окно в здании нашего редакционно-издательского комплекса вечером того же дня, когда вы стояли на мосту?

Кстати, генерал Макашов, что вел за собой толпу в Останкино, отличник боевой и политической подготовки, тоже от своих коммунистических принципов никогда не отказывался, стойкий человек.

Только вы, как, впрочем, и многие другие, в том числе бывший наш вице-президент, бывший глава парламента и их соратники, сменили веши, взгляды, свернули с одного пути на другой, перешли с одной стороны баррикады на другую. Таких людей всегда было в достатке, называли их по-разному, в лексиконе марксистов-ленинцев они удаивались клички — ренегат. Есть и другие слова, они вам хорошо известны.

Хочу отдать вам должное, о жидомасонах, как другие, протовавшие слева направо, вы пока не пишете, по Конституции сталинско-брежневско-хасбулатовской не печалитесь, но по «уничтоженным конституционным институтам» скорбите. По каким институтам? По Советам, присвоившим со времен Ильича право творить законы и их же самим исполнять? Нет в мире, и не было никогда, такого демократического государства, где бы законодательная власть обладала бы также функциями исполнительной. А у нас такой вот симбиоз дикий существовал в лице Верховного Совета, съезда нардепов, нижестоящих Советов, которым, кажется, приходит конец.

Вы как главный режиссер потерпели бы рядом с собой во время съемок своего очередного фильма второго главного режиссера, который бы командовал «Мотор!» и произносил разные такие слова? Почему же оплакиваете парламент, при живом президенте назначивший второго президента, второго министра обороны, второго министра МВД, второго коменданта Кремля и так далее. Сколько же мог великий народ терпеть этот фарс, этих обезумевших грубиянов, поднявшихся на гребне демократической волны высоко на вершины власти и не сумевших выплыть на берег, придавленных этой самой волной, не умеющих противостоять ветру и бушующей воде.

Стоит ли сегодня, когда кучка банкротившихся политиков, чуть было не развязавших гражданскую войну, оказалась в Лефортове (где сносно кормят, дают читать книги и слушать радио), так скорбеть о распусчении «парламента», ходить по залитой светом Москве опечаленным, убежденным, что именно сейчас начались «окаянные дни»? Нет, думать так не стоит и заимствовать классический заголовок у великого писателя для сумбурной статьи тоже нет никаких оснований.

Думаю, что автор дневника под названием «Окаянные дни», доживи до наших дней, не стал бы печалиться разгону хасбулатовского собрания, а нашел бы в своей хронике несколько ярких слов для увековечения этого события. Не берусь, конечно, домысливать ничего за Бунина. Но от себя скажу: кажется, хорошие дни в России будет теперь больше, чем плохи. Пушки не только последний довод короля. Народ тоже имеет право на такой аргумент, как и его армия.

Лев КОЛОДНЫЙ.